

Ван Шуцзе махнул рукой, возглавил группу и ушел, нарочно толкнув по дороге Фан Юнхао, который преграждал путь. Тот сжал кулаки, готовый ударить.

Лу Инхуэй не хотел объясняться с окружающими. Он был из семьи Лу, и разве члены семьи Лу должны были считаться с чужими мнениями? Кто хочет остаться — пусть остается, кто не хочет — пусть убирается. Он был уверен, что рано или поздно заставит Тан Линцю и его окружение поплатиться.

Тан Линцю, наблюдая за уходящими, нахмурился. Чжуан Мин подошел к нему:

— Лу Инхуэй, во что бы то ни стало, сдержался. Я думал, он устроит скандал.

— Возможно, его семья что-то ему сказала, чтобы он вел себя сдержаннее на людях. Ладно, не будем обращать на них внимания, это портит настроение. Пойдем, — предположил Тан Линцю.

Без достаточной информации он не мог точно судить, но решил обсудить это позже с братом.

Чжуан Мин улыбнулся:

— Твои крупные сделки за последние полгода взбудоражили многие семьи. Все хотят равняться на тебя, даже мой отец упомянул об этом.

Хотя они наблюдали, как Тан Линцю продвигался вперед, они не могли не восхищаться его проницательностью. Его инвестиции всегда приносили прибыль, причем немалую, и они тоже извлекли из этого пользу.

Его крупные сделки привлекли внимание влиятельных семей, и многие задавались вопросом, откуда у студента, еще не закончившего университет, такие средства. Некоторые начали копать и были поражены результатами. Тан Линцю, второй сын семьи Тан, тихо накопил огромное состояние, которое даже у них вызвало зависть, не говоря уже о младшем поколении других семей.

Были и те, кто зарабатывал больше, но в таком возрасте совершать такие крупные инвестиции требовалось невероятной смелости и решительности. Если он продолжит развиваться, то однажды станет ключевой фигурой во всей стране.

Тан Линцю стал центром внимания, и многие молодые люди из влиятельных семей последовали его примеру. Угольная шахта, которую он продал, неожиданно оказалась в руках Лу Инхуэй. Фан Юнхао, узнав об этом, позвонил Тан Линцю и посмеялся над Лу, что тот подбирает то, что Тан Линцю выбросил. Это вывело Лу Инхуэй из себя, ведь он действительно взял эту шахту, считая, что у нее большой потенциал.

Попрощавшись с друзьями, Тан Линцю вернулся домой. На этот раз взгляды некоторых членов семьи Тан на него были крайне сложными. Тан Линъань не мог скрыть своей зависти. Он считал, что Тан Линцю смог заработать столько только благодаря тому, что дедушка проложил для него дорогу. Иначе он не поверил бы, что Тан Линъюй несколько лет назад мог обладать такой проницательностью.

Тан Линцю спокойно поздоровался со всеми. Наверху старейшина Тан, опираясь на Тан Линъюя, подошел к перилам и помахал рукой:

— Сяо Цю вернулся. Поднимись, дедушка хочет поговорить с тобой.

— Хорошо, дедушка, я сейчас поднимусь, — ответил Тан Линцю, вставая и извиняясь перед старшими. Под взглядами младших, полными восхищения и зависти, он спокойно направился наверх.

В деревне Таоюань новогодний ужин начался рано. Перед началом взорвали петарды, чтобы все знали, что семья собирается за столом.

Е Цзы тоже выпустил во дворе небольшую петарду. После громких хлопков он вернулся в дом, где Сяо Лан, его собака, глупо крутилась у его ног, убегая от шума. Только умный Цюцю спокойно сидел на руках у Е Вэньбо, не обращая внимания на внешний шум.

Е Цзы отправился в задний двор, чтобы принести Тунцзы, маленького ежа, в дом. С улыбкой он сказал:

— Дедушка, это же тоже член нашей семьи, так что пусть участвует в новогоднем ужине.

Он помнил, что ежи зимой впадают в спячку, но их еж нашел самое теплое место во дворе и выкопал там норку, так что иногда, когда Цюцю его вытаскивал, он был все еще бодр.

Е Вэньбо рассмеялся, глядя на своего озорного внука. Еж, как только его поставили на пол, быстро забрался в угол и свернулся клубком. Е Цзы пошел на кухню, нарезал немного огурцов, моркови и курицы, чтобы угостить этого незаметного члена семьи.

Новогодний ужин для деда и внука был особенно обильным. В прошлом Е Вэньбо, хотя и тратил деньги на внука, старался не расточительствовать. Но в этом году многие продукты купил сам Е Цзы, и, так как на улице было холодно, их можно было хранить на улице и есть в течение праздников.

Самое главное — на столе было много свежих овощей и фруктов, которые только что сорвали с деревьев. Знакомые Е Цзы тоже прислали немного, сказав, что купили их за пределами деревни.

Е Цзы поднял свой бокал и чокнулся с дедом:

— Дедушка, я поднимаю тост за тебя. Пусть ты будешь моложе с каждым годом.

Е Вэньбо рассмеялся:

— Не боишься, что меня назовут старым демоном?

— Не боюсь, другие только позавидуют тебе, — ответил Е Цзы, счастливый, видя, как волосы деда темнеют.

— Ладно, хватит меня развлекать. Давай есть.

Дед и внук болтали за столом, а в доме работал телевизор, показывая репетиции новогоднего концерта с вставками из прошлых лет. Сам концерт еще не начался.

Посреди стола стояла электрическая кастрюля, в которой кипел суп для горячего блюда. Е Цзы специально принес ее, чтобы еда не остывала, и деду не было некомфортно. Теперь можно было просто положить что-то в кастрюлю и подогреть.

Хотя новогодний ужин для двоих казался слишком тихим, дед и внук не чувствовали этого, вероятно, привыкнув за эти годы.

За столом никто не упоминал о Е Дуне. Ван Гуйлань отправилась на склон Ванцзя, но не смогла привести шаманку. Место нашли, но ее не было дома, а других шаманок поблизости не оказалось. Две семьи снова поссорились, и в конце концов отец Су Эргоу привел из соседней деревни старого врача, который осмотрел двух без сознания людей. Врач сказал, что они поражены злыми духами, но ничего не мог сделать, и ушел, сказав другим, что, вероятно, молодые люди наткнулись на что-то нечистое.

Перед ужином стало известно, что оба очнулись, но были в бреду. В итоге обе семьи так устали, что даже не приготовили новогодний ужин.

Цюцю сидел у стола, грызя клубнику и рыбу. Рыба, выращенная в их пространстве, выросла с длины пальца до размера ладони. Кроме как для Цюцю, Е Цзы взял несколько штук, чтобы сварить суп, и вкус был настолько восхитительным, что он чуть не проглотил язык. Он сразу решил, что весной нужно будет завести больше рыбы и креветок. Сяо Лан ел меньше, чем Цюцю, хотя его тело уже стало круглее, так что ему дали большую кость, чтобы грызть, чтобы не перекормить.

Оба их питомца любили фрукты, ведь они были наполнены духовной энергией, и животные чувствуют это лучше людей.

В середине ужина прибежал Ван Шуцзе, принеся с собой Ба Ху. Не дожидаясь вопросов, он сам объяснил:

— Бабушка велела мне прийти поиграть.

С этими словами он без приглашения сел за стол, выпил полчашки горячего супа из кастрюли и с облегчением вздохнул:

— Хорошая кастрюля. В следующем году я куплю такую для бабушки и дедушки, чтобы они могли дома готовить горячее.

Когда все наелись, убрали со стола. Е Вэньбо остановил их, не давая мыть посуду:

— Идите во двор играть. Разве вы не купили фейерверки? Я сам справлюсь, на плите много горячей воды, идите.

Е Цзы пришлось оставить посуду, и они с Ван Шуцзе вышли из кухни. Последний сразу побежал к месту, где лежали фейерверки, вытащил коробку и зажег один. Он заявил, что редко курит. Фейерверк взлетел в небо, окрашивая двор Е Цзы в яркие цвета. Ван Шуцзе смеялся, возвращаясь обратно, а вскоре к ним присоединились деревенские дети, не у всех были деньги на такие игрушки.

<http://bllate.org/book/16666/1528544>